

В. П. Катаев

Растратчики

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-7
ББК 84-7
B11

B11 **В. П. Катаев**
Растратчики / В. П. Катаев – М.: Книга по Требованию, 2012. – 120 с.

ISBN 978-5-458-04134-8

Замысел сатирической повести созрел у Валентина Катаева зимой 1925 года, когда в период нэпа Советское государство начало решительную борьбу с растратами и хищениями. В январе 1926 года по этому поводу было принято специальное решение ЦК РКП(б). Демьян Бедный выступил в «Правде» 8 января 1926 года со стихотворением «Хорошо!», в котором осмеивал тягу мещанина к «роскошной жизни», стремление урвать кусок пожирней. Об этом неустанно писал в те годы и Владимир Маяковский. Повесть В.Катаева выросла из рабкоровских материалов, поступавших в «Рабочую газету» и сатирические журналы «Крокодил», «Красный перец», «Смехач» и другие, где в те годы сотрудничал писатель.. Одной из первых попыток разработки темы «Растратчиков» явился рассказ В.Катаева «Мрачный случай», напечатанный им в журнале «Смехач» (1925, № 37)., К работе над самой повестью писатель приступил в декабре 1925 года и завершил ее в августе 1926 года. В том же году «Растратчики» были опубликованы журналом «Красная новь» (1926, № № 10, 11, 12)., «С появления „Растратчиков“ укрепилось литературное имя. Началась другая судьба, — вспоминает писатель. — Позвонили от Станиславского и попросили написать пьесу о тех же растратчиках...» (Беседа с В.П. Катаевым, 10 августа 1948 г.) Писатель принял предложение. Уже в 1927 году театр начал работать над пьесой и в следующем году осуществил ее постановку. В спектакле были заняты молодые талантливые актеры МХАТа: Тарханов исполнял роль бухгалтера Прохорова, кассира Ванечку играл Топорков, «порочного курьера» Никиту — Баталов. Ставил пьесу молодой режиссер Н.Горчаков. Повесть «Растратчики» была экранизирована, и в 1931 году фильм демонстрировался в одном из крупнейших германских кинотеатров., Повесть и пьеса переведены на многие европейские языки и получили многочисленные отклики в зарубежной прессе.,

ISBN 978-5-458-04134-8

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Валентин Петрович
Катаев
Растратчики

Глава первая

В тот самый миг, как стрелки круглых часов над ротондой московского телеграфа показали без десяти минут десять, из буквы "А" вылез боком в высшей степени приличный немолодой гражданин в калошах, в драповом пальто с каракулевым воротником и каракулевой же шляпе пирожком, с каракулевой лентой и полями уточкой. Гражданин тут же распустил над собой сырой зонтик с грушевидными кисточками и, шлепая по сплошной воде, перебрался через очень шумный перекресток на ту сторону. Тут он остановился перед ларьком папиросника, обосновавшегося на лестнице телеграфа. Завидев гражданина, старик в голубой фуражке с серебряной надписью «Ларек» высунул из шотландского пледа свои роскошные седины, запустил руку в вязаной перчатке с отрезанными пальцами под мокрый брезент и подал пачку папирос «Ира».

— А не будут они мокрые? — спросил гражданин, нюхая довольно длинным носом нечистый воздух, насыщенный запахом городского дождя и светильного газа.

— Будьте спокойны, из-под самого низу. Погодка-с!

После этого заверения гражданин вручил папироснику двадцать четыре копейки, сдержанно вздохнул, спрятал розовую пачку в карман брюк и заметил:

— Погодка!

Затем он запахнул пальто и пошел мимо почтамта вниз по Мясницкой на службу.

Собственно говоря, уже довольно давно в природе никакой Мясницкой улицы не существует. Имеется улица Первого мая. Но у кого же повернется язык в середине ноября, в тот утренний тусклый час, когда мелкий московский дождь нудно и деятельно поливает прохожих, когда невероятно длинные прутья неизвестного назначения, гремящие на ломовике, норовят на повороте въехать вам в самую морду своими острыми концами, когда ваш путь вдруг преграждает вывалившийся из технической contadorы поперек тротуара фрезерный станок или динамо, когда кованая оглобля битюга бьет вас в плечо и крутая волна грязи из-под автомобильного колеса окатывает и без того забрызганые полы пальто, когда стеклянные доски трестов оглушают зловещим золотом букв, когда мельничные жернова, соломорезки, пилы и шестерни готовы каждую минуту тронуться с места и, проломив сумрачное стекло витрины, выброситься на вас и превратить в кашу, когда на каждом углу воняет из

лопнувшей трубы светильный газом, когда зеленые лампы целый день горят над столами конторщиков, — у кого же тогда повернется язык назвать эту улицу каким-нибудь другим именем?

Нет, Мясницкой эта улица была, Мясницкой и останется. Видно, ей на роду написано быть Мясницкой, и другое, хотя бы и самое замечательно лучезарное, название к ней вряд ли пристанет.

Гражданин свернул в переулок и вошел в первый подъезд углового дома.

Тут он отряхнул и скрутил зонтик, потоптался калошами на вздувшейся сетке проволочного полютика, а пока топтался, с отвращением прочитал от доски до доски прошлогоднее объявление спортивного кружка, намалеванное синей краской на длинной полосе обойной бумаги.

Затем гражданин, не торопясь, поднялся по засияющей мраморной лестнице на третий этаж, вошел в открытую дверь налево и двинулся по темноватому коридору в глубь учреждения. Он свернул направо, затем налево, по дороге сунул нос в каморку, где курьер и уборщица усердно пили чай, разговаривая о всемирном потопе, и, наконец, очутился в бухгалтерии.

Большая комната о пяти сплошных окнах, доходящих до самого пола, разгороженная, как водится, во всю длину деревянной стойкой, была заставлена столами, сдвинутыми попарно.

Гражданин открыл калитку, проделанную в стойке, заглянул мимоходом в ведомость, которую проверяла, щелкая на счетах, надменная девица в вязаной голубой кофте с выпушками, похожей на гусарский ментик, провел усами по пачке ордеров, разложенных меж пальцев рыжеватого молодого человека, плонул в синюю плевательницу и проследовал за стеклянную перегородку, устроенную на манер аквариума в правом углу бухгалтерии. Тут на двери висела печатная таблица:

ГЛАВНЫЙ БУХГАЛТЕР Ф.С.ПРОХОРОВ

Покуда главный бухгалтер, упираясь рукой в стенку, снимал, кряхтя, калоши с буквами и разматывал шерстяной шарф, вошел курьер и поставил на красное сукно письменного стола стакан чаю.

По всем признакам, курьер был не прочь поговорить.

— Газетку, Филипп Степанович, просматривать будете? — спросил он, вешая бухгалтерское пальто на гвоздик.

— Газетку?

Филипп Степанович многозначительно подмигнул почечным глазом, сел за стол, выложил пачку папирос и разгладил платком длинные свои зеленоватые усы, словно бы сидящие верхом на голом,

как пятка, подбородке с кисточкой под нижней губой, чем дал по-нять, что может и поговорить.

— А что в ней может быть интересного, Никита? — спросил он.

Никита установил в угол зонтик, облокотился спиной о дверной косяк и скрестил руки на груди.

— Многое может быть интересное, Филипп Степанович, — не скажите.

Главный бухгалтер вытащил из пачки длинную папиросу, постукал мундштуком по столу, закурил, повернулся боком на деревянном кресле и подмигнул другим почечным глазом.

— Например?

— Например, Филипп Степанович, бывают напечатаны довольно интересные происшествия. Вроде критики Советской власти.

— Эх, Никита, — заметил главный бухгалтер с чувством глубокого превосходства и сожаления, — зря из тебя, Никита, неграмотность ликвидировали. Ну, какой же ты читатель газет, если тебе самому непонятно, о чем ты читаешь?

— Никак нет, Филипп Степанович, понятно. Зачем же тогда читать, если непонятно? Очень интересная критика бывает запущена.

— Какая может быть критика?

— Да ведь вы и сами знаете, Филипп Степанович...

Никита переступил с ноги на ногу и застенчиво заметил:

— Насчет бегов то есть критика.

— Бегов? Да ты просто пьян! Каких бегов?

— Бега у нас теперь известно какие, — со вздохом сказал ку-рьер, — бегут один за другим, и все тут.

— Да кто же бежит?

— Растратчики же и бегут. Дело ясное. Садятся с казенными суммами на извозчика и едут. А куда они едут — неизвестно. Надо полагать, по городам едут. Например, я сегодня такую критику вы-читал, что за октябрь месяц кругом по Москве из различных учре-ждений не менее как полторы тысячи человек таким образом выеха-ло.

— Да... — заметил главный бухгалтер, разглядывая кончик тлеющей ягодкой малины папиросы и выпуская из ноздрей дым. — Н-да...

— Что же это будет, Филипп Степанович, вы мне скажите, если все таким образом разъедутся. Очень скучная служба получится. Возьмите, к примеру, нашу Мясницкую улицу. Конечно, сколько на ней приходится различных учреждений — в точности неизвестно, но что касается, то в этом угловом доме есть всего пять, а вместе с

нашим — шесть. Считайте, первый этаж — два: главная контора «Уралварц» и «Все для радио»; второй...

— Для чего ты мне все это говоришь?

— А для того, — сказал Никита, быстро загибая пальцы, — что весь второй этаж занимает «Электромаш», итого три; третий этаж — мы и «Тросстрест», итого пять, и четвертый этаж — «Промкуст», итого шесть.

— Никита! — строго сказал главный бухгалтер.

— Теперь примите во внимание, Филипп Степанович, что «Уралварц», «Все для радио», «Электромаш» и «Тросстрест» уже растроились на прошлой неделе, — захлебнувшись в невероятной быстроте речи, выложил Никита, — а из «Промкуста» только-только кончили вывозить сегодня на рассвете. В семь часов последняя подвода отъехала.

— Никита, что ты мелешь! Почему подвода?

— Дело известное, на извозчике осьмнадцать тыщ медной монетой с четвертого этажа на вокзал не увезешь.

— Кто ж это держит такую крупную наличность в медной монете? — строго изумился бухгалтер. — Ты просто выдумываешь, Никита. Уходи.

— Не я это выдумал. Председатель ихнего правления распорядился для того, чтобы казенные суммы предохранить. Надо быть, думал, что, как начнут они, то есть кассир, извините, с бухгалтером, мешки с четвертого этажа по лестницам таскать, тут их, голубчиков, кто-нибудь и пристегнет. Оказывается, и ничего подобного. Да я сам, едва стало развиднеться, вдруг слышу на лестнице шум. Накинул шинельку, выхожу. Вижу: тащат мешок. У меня и подозрения никакого на этот мешок не явилось. Мало ли что. Может, они какую-либо кустарную продукцию на рынок выбрасывают. Или же, допустим, простая картофель. Я себе немного постоял и ушел с лестницы, ах ты, боже мой! А там, значит, у подъезда уже подводы — и на вокзал. Через это у них сегодня жалованье сотрудникам не выдают. Потому что нечего выдавать. Одни мы нерастраченными на весь угловой дом и остались.

— Ты, наверное, врешь, Никита, иди, — сердито молвил Филипп Степанович. — Нету у меня времени с тобой беседовать... Этот стакан остыл, принеси горячий.

— Филипп Степанович, — тихо сказал Никита, убирая чай, — и вы обратите внимание, что как у нас на этой неделе собираются выплачивать жалованье, то ни у кого из сотрудников нету денег, а которые числятся по шестому разряду сетки, так у тех, могу сказать

про себя, копейки не осталось от прошлой получки...

— Ступай, Никита, — строго прервал его главный бухгалтер, — ты мне своей болтовней мешаешь работать. Уйди, пожалуйста.

Никита потоптался на месте, но лицо Филиппа Степановича было непреклонно.

— А то ведь это что такое, ежели все разъедутся? — проборомотал Никита, боком выходя из аквариума. — Очень скучная служба получится без жалованья.

Филипп Степанович наладил на нос пенсне, со скрипом разогнул толстую конторскую книгу и, подтащив к себе костяшки, погрузился в заботы. Изредка, разогретый трудом, он откладывал в сторону пенсне и сквозь стеклянные рамы загородки окидывал превосходным взглядом помещение бухгалтерии. И тогда ему представлялось, что он не кто иной, как опытный генерал, мужественно и тонко руководящий с возвышенности некими военными операциями чрезвычайной сложности.

Вообще надо заметить, Филипп Степанович был не чужд некоторой доли фантазии, весьма опасной в его немолодые годы.

С самой японской кампании, которую он проделал в чине поручика и закончил, выйдя в запас штабс-капитаном, вся его дальнейшая жизнь, скромно посвященная финансово-счетной деятельности в различных учреждениях и служению пенатам, отличалась, впрочем, образцовой умеренностью и похвальным усердием. Война 1914 года не слишком потревожила капитана запаса. Благодаря связям жены и стараниям торгового дома «Саббакин и сын», где он служил в то время, Филипп Степанович словчился и получил белый билет. Наступившая затем революция также коснулась его не более, чем всех прочих бухгалтеров, проживавших в то время на территории бывшей Российской империи, то есть почти вовсе не коснулась. Одним словом, Филипп Степанович был исправнейшим гражданином. И при всем том в его характере совершенно незаметно водилась этакая чертовщина авантюристической складки. Например, история его необычайной женитьбы еще свежа в памяти старых московских бухгалтеров, и если хорошенъко порыться в Румянцевской библиотеке, то можно, пожалуй, отыскать тот номерок «Московской брачной газеты» за 1908 год, где отпечатано следующее объявление:

Отклиknись, ангел!

Воин, герой Порт-Артура и кавалер орденов, вышедший в запас в чине штабс-капитана, трезвый и положительный, а равно лишенный физических дефектов, решил перековать меч на орало, с целью посвятить себя финансово-счетной деятельности, а также тихой

семейной жизни.

СЫН МАРСА ИЩЕТ ПОДРУГУ ЖИЗНИ

Желательно пышную вдову, блондинку, обеспеченную небольшим состоянием или же делом, с тихим, кротким характером. Цель — брак. Анонимным интриганам не отвечу. Предложения, только серьезные, адресовать до востребования предъявителю трехрубл. ассигнации № 8 563 421.

И что же! Пышная вдова явилась. Она спешно прикатила из Лодзи в Москву и вскружила голову одичавшему сыну Марса. Она немедленно устроила ему тихое семейное счастье и через месяц стала его законной женой. Правда, впоследствии оказалось, что где-то в Варшаве у нее имеется двухлетняя дочка Зоя невыясненного происхождения, но великолушный штабс-капитан охотно удочерил малютку. Что же касается обеспечения небольшим состоянием или же делом, то небольшого состояния не оказалось вовсе, но зато дело было: вдова умела превосходно изготавливать бандажи, корсеты и бюстгальтеры, что давало семье небольшой добавочный доход. Словом, штабс-капитан запаса не имел никаких оснований жаловаться на брак, заключенный столь авантюристическим способом, а глава фирмы «Саббакин и сын», старик Саббакин, даже как-то под пьяную лавочку на бликах заметил: «Вы, господа, теперь с Филипп Степановичем не шутите, ибо он у нас помощник главного бюстгальтера». Хороший был старик!

Кроме чертовщины авантюристического свойства, в характере Филиппа Степановича проявлялась иногда еще одна черта: легкая ирония, незаметное чувство превосходства над окружающими людьми и событиями, терпеливое и безобидное высокомерие. Очень возможно, что она родилась давным-давно, именно в ту минуту, когда Филипп Степанович, лежа на животе среди гаоляна в пикете под Чемульпо, прочел в походном великосветском романе следующую знаменательную строчку: «Граф Гвидо вскочил на коня...»

Сам великосветский роман года через два забылся, но жгучая фраза о графе навсегда запечателась в сердце Филиппа Степановича. И что бы он ни видел впоследствии удивительного, какие бы умные речи ни слышал, какие бы потрясающие ни совершались вокруг него события, Филипп Степанович только подмигивал своим почечным глазом и думал — даже, может быть, и не думал вовсе, а смутно чувствовал: «Эх вы, а все-таки далеко вам всем до графа Гвидо, который вскочил на коня, дале-ко!..» И, как знать, может быть, представлял самого себя этим великолепным и недоступным графом Гвидо.

Около двух часов, подписав несколько счетов и финансовых ордеров, Филипп Степанович закурил третью по счету за этот день папиросу, вышел из своей загородки и направился к кассе.

Касса была устроена в таком же роде, как и загородка самого Филиппа Степановича, с той только разницей, что была сделана из фанеры и окошечком своим выходила в коридор.

Филипп Степанович приоткрыл боковую дверцу, заглянул в кассу и сказал негромко:

— Ванечка, какая у тебя наличность?

— Тысячи полторы, товарищ Прохоров, — ответил изнутри, так же негромко, озабоченный молодой голос. — По счетам платить сегодня будем?

— Надо бы часть мелких заплатить, — сказал главный бухгалтер и вошел в кассу.

Кассир Ванечка сидел перед окошком за маленьkim прилавочком на литом фоне несгораемого шкафа и разбирал зажигалку. Аккуратно разложив на алом листе промокательной бумаги ладные винтики, колесики, камешки и пружинки, Ванечка бережно держал в пальцах медный патрон, то дуя в него, то разглядывая на свет.

Сильная полуваттная лампа под зеленой тарелкой висела как раз посередине кассы. Она ярко освещала Ванечкину нестриженую, нечесаную голову, где спелые волосы росли совершенно естественно и беззаботно, образуя на макушке жиidenъкий водоворотик, а на лбу и на висках — мыски. Ванечка был одет в черную гимнастерку, горчичные штаны-галифе и огромные, выше колен, неуклюжие яловые сапоги, делавшие его похожим на кота в сапогах. Поверх ворота гимнастерки, вокруг шеи, был выпущен толстый ворот рыночного бумажного свитера.

Ванечка был чрезвычайно маленького роста. Может быть, именно за этот маленький рост, за молодость лет, а также за тихость и вежливость все в учреждении, даже сам председатель правления, кроме, разумеется, курьера и уборщицы, называли его по-семейному Ванечкой.

Ванечка нежно и заботливо любил свое небольшое кассовое хозяйство. Он любил свой большой, красивый, всегда хорошо очищенный карандаш — наполовину красный, наполовину синий — и даже про себя называл его уважительно Александром Сидоровичем: Александр — красная половинка, Сидорович — синяя.

Любил яркую полуваттную лампу, любил баночку гуммиарабика, чернильницу, ручку и другую ручку на прилавке кассы, привязанную за веревочку, чтобы не утащили. Любил и уважал также

Ванечка свой большой, толстый несгораемый шкаф иссиня-керосинового цвета, великолепные длинные никелированные ножницы и пачки денег, тщательно рассортированные, разложенные в столе.

И не было для Ванечки большего удовольствия в жизни, как, отметив Александром Сидоровичем синюю птичку против чьей-нибудь фамилии в ведомости, тщательно отсчитать пачечку ассигнаций, придавить их столбиком серебра, подбросить для ровного счета несколько медяков и, выдвинув в окошечко, сказать: «Будьте полезны. Как в аптеке».

В промежутках же между платежами Ванечка опускал стеклянную раму окошечка, на котором было написано снаружи золотыми буквами: «Касса», и, читая изнутри наоборот: «Ассак», принимался возиться с зажигалкой. Разберет, нальет из бутылочки бензина, завинтит, щелкнет, пустит багровое пламя, задует, потянет пальцем фитилек, снова зажжет, задует и, напевая: «Ассак, ассак, ассак», — начинает разбирать сзынова. Потому и ассигнации, выдаваемые Ванечкой, слегка попахивали бензином.

Так и служил Ванечка. А что он делал вне службы, где жил, чем интересовался, что читал, куда ходил обедать — было совершенно неизвестно.

Ванечка поднялся навстречу вошедшему в кассу главному бухгалтеру и поздоровался с ним так почтительно и низко, точно пожимал ему руку поверх собственной головы.

— Вот что, Ванечка, — сказал Филипп Степанович тем деловым и негромким голосом, смахивающим на бурчанье в животе, каким обыкновенно совещаются врачи на консилиуме, — вот что, Ванечка: завтра надо будет выплачивать сотрудникам жалованье. Кроме того, у нас есть несколько просроченных векселей. Ну, конечно, и по остальным счетам. Словом, надо завтра так или иначе развязаться с задолженностью.

— Так, — сказал Ванечка с готовностью.

— Ввиду болезни артельщика тебе, Ванечка, значит, надо будет сходить в банк, получить по чеку тысяч двенадцать.

— Так-с.

— Ты вот что, Ванечка... Отпусти сначала людей, — Филипп Степанович показал усами в коридор, где через окошечко виднелись люди, томящиеся на деревянном диване с прямой спиной, — отпусти, Ванечка, людей и через полчаса загляни ко мне.

— Как в аптеке.

Ванечка отложил в сторону зажигалку, открыл окошечко и, выслушав из него голову, ласково сказал: